

ЮБИЛЕИ

ЕГО УВАЖАЛИ И ЛЮБИЛИ В ТРУППЕ, ЕГО ОБОЖАЛА ПУБЛИКА

Большой театр. — 2001. — дек. (№8). — с. 7

Павел Лисициан, Александр Мелик-Пашаев и Марио дель Монако после спектакля «Кармен»

Амонасро — не единственная драматическая партия в репертуаре Лисициана — он пел Грязного в «Царской невесте», Мазепу, Эскамильо. Я помню, как все мы радовались и гордились, когда выступавший в нашем спектакле «Кармен» Марио дель Монако с большой похвалой отзывался о Павле Герасимовиче, отме-

тив и голос редкой красоты, и испанскую элегантность его героя.

Вообще, когда к нам приезжали гастролеры, театр подбирал лучшие исполнительские составы. И Лисициан был достойным партнером Жана Пирса, Джульетты Симионато, Димитра Узунова и многих других зарубежных певцов.

Павла Герасимовича высоко ценили наши дирижеры, любили работать с ним и занимать в своих спектаклях.

Публика обожала Лисициана. За яркий, неповторимый и абсолютно узнаваемый тембр, редкую вокальную культуру и безупречный вкус, за прекрасную дикцию. И, что не менее важно, — зрители-слушатели это всегда чувствуют — за то, что пел Павел Герасимович с удовольствием, что сама свобода творческого процесса доставляла ему радость.

Много сделал Лисициан для пропаганды нашего искусства за рубежом, одним из первых получив возможность выступать на самых престижных оперных сценах мира.

Я хочу эти небольшие заметки о выдающемся певце, моем давнем друге, закончить словами о том, что Павел Герасимович — человек редкой интеллигентности, доброжелательности и благородства. В свои 90 лет он сохранил общительность и пытливість, умение слушать и вникать в чужие проблемы. Он остался таким же гостеприимным человеком, как и 60 лет назад. И в доме Павла Герасимовича и его обаятельной супруги Дагмары Александровны все та же атмосфера теплоты и открытости людям.

От души желаю Павлу Герасимовичу и всем членам его замечательной дружной семьи здоровья и благополучия.

ИВАН ПЕТРОВ

Большой театр. — 2001. — дек. (№8). — с. 7

Однажды на радио пришло письмо. Его автор писал: «Когда я слышу в небе рокот самолета, то каждый раз с надеждой думаю: а вдруг это возвращается Экзюпери? Возвращайтесь, Антуан, вы так нужны нам в нашей сложной жизни». Как хочется применить эти слова к Павлу Герасимовичу Лисициану, просить его помочь нам, дать мудрый совет в поглотивших нас проблемах, оценить того или иного певца, спеть самому. Нет надобности перечислять звания, регалии, награды Павла Герасимовича. Есть категория людей, говоря о которых, не нужно пояснять, кто они. Достаточно просто сказать: Чайковский, Ван Кларк, Шекспир, Плисецкая. В этом ряду стоит и Лисициан. Не буду вдаваться в подробности его биографии: где родился, у кого учился, где преподавал — все это при желании можно прочитать в музыкальных словарях и энциклопедиях. Но, бесконечно слушая записи Лисициана, вижу себя в картинной галерее с портретами Павла Герасимовича в разных ролях.

«Пиковая дама» — Елецкий. У вас не возникает сомнения, что перед вами князь, аристократ, благороднейший человек, блестящий офицер, которому послана чистая, нежная и преданная любовь к Лизе. Он искренне хочет стать рыцарем этой прекрасной дамы, биться за нее на шпагах, как это делали мушкетеры: «Вы так печальны, дорогая, как будто горе есть у вас», — звучит голос. Одна эта ария в исполнении великого певца современности — учебник для вокалистов: какое дыхание, нюансировка, фразировка, какое звуковедение — об этом на бумаге рассказать трудно, нужно закрыть глаза, запастись носовым платком (у мужчин ведь тоже бывают слезы от встречи с высоким искусством) и слушать без конца. Слушая Павла Герасимовича в этой партии, невольно становишься сторонником его, а не Германа, сопер-

ЭПИТАЛАМА ВИНДЕКСУ, РОБЕРТУ, ЕЛЕЦКОМУ, ЖЕРМОНУ

живаешь ему. Но он может быть и холодно-рассудочным, оскорбленно-решительным в желании наказать соперника. С металлом в голосе в адрес Германа он произносит: «У нас с ним счеты». Но когда умирающий Герман шепотом произносит: «Князь, прости» — князь прощает ему свою разбитую судьбу, ибо благородным людям не свойственна месть поверженному врагу.

Евгений Онегин. Он такой и только такой, каким его придумали Пушкин и Чайковский: вначале скучающий в деревне и равнодушно на всезирающий, затем назидательно-холодный в сцене объяснения с Татьяной, иронично-насмешливый на Ларинском балу. И вот — дуэль. Это словно о нем писал Лермонтов: «В руке не дрогнул пистолет», но мгновенно дрогнуло от содеянного сердца, когда Заречский произносит: «Убит». И, наконец, Онегин-Лисициан влюбленный, страдающий, метушийся, ревнующий, помогающий жене генерала Тренина и — одинокий. Не бывало в зале ни одного зрителя, не сочувствовавшего Онегину, когда великий баритон пел: «Позор, тоска, о, жалкий жребий мой».

«Садко» — Веденский гость. Боже, какая кантилена, какое бельканто. Небольшая ария, но Лисициан становится центром сцены. Только в превосходной степени можно говорить об исполнении этой партии. Голос лился как из волшебного источника. Веденский гость счастлив, что он живет в славном городе Веденце. Это не гид, равнодушно водящий нас по достопримечательностям — его переполняют гордость и любовь к своей родине, своему краю.

«Иоланта» — Роберт. Сотни раз мы слышали: «Кто может сравниться с Матильдой моей», но хотим слушать снова и снова. Каждый раз зал взрывался громом оваций после этой арии, бывало, что певец повторял ее на бис, а порой и два раза. Публика хотела слушать еще и еще. Он щедро делил с ней свой божий дар — волшебный голос.

«Кармен» — Эскамильо. Едва оркестр сыграл вступление к куплетам тореадора и на сцене появился Лисициан, публика неистовствует от предстоящего счастья. И вот этот счастливый миг: Лисициан запел. Голос заполняет все уголки и уголки зала Большого театра. Голос бархатный, изумительного тембра и на сцене красавец Эскамильо.

«Травиата» — Жермон. Какое множество красок и оттенков. Сначала он просит Виолетту оставить в покое его сына, затем умоляет сына вернуться домой и, наконец, Жермон рассказывает правду Альфреду. И в каждой сцене Жермон разный.

Список партий можно продолжить: Амонасро, Наполеон, Казбич, Рылев, Мазепа... Каждая роль — совершенство исполнения, каждая партия — эталон для последующих поколений баритонов.

Идут годы. К сожалению, век артиста-вокалиста не долгод. Павел Герасимович оставил сцену Большого театра, когда казалось, мог бы еще петь и петь. У него счастливая жизнь. Он любим всеми. Трое его детей из четырех стали музыкантами. Им можно только завидовать. Только подумайте: кто был их вокальным на-

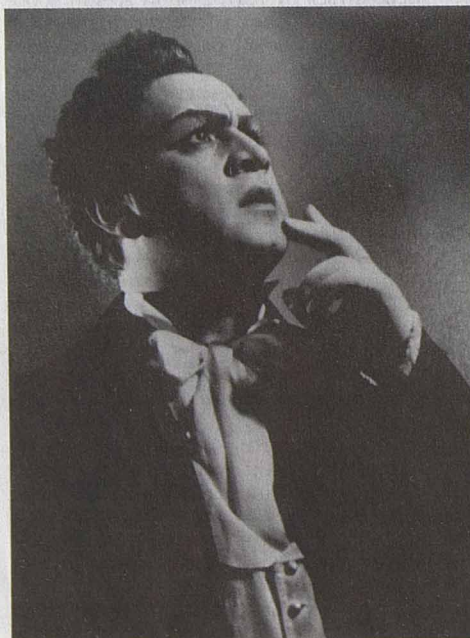
ставником и консультантом дома! Всю жизнь Павел Герасимович верен одной даме сердца — Дагмаре Александровне, сестре великой Зары Долухановой.

На юбилейном вечере в зале имени Чайковского зал, стоя, очень долго приветствовал своего любимого певца. Честно говоря, я в душе немного волновался: а соберется ли зал? Знает ли молодое (и музыкальное и немзыкальное) поколение эту фамилию? Опасения были напрасными: зал был переполнен, люди с мольбой и надеждой в глазах ловили на улице лишние билеты. Приветствовал великого мастера и Большой театр импровизированной арией Елецкого, в конце которой мы все встали на колени. На днях этот вечер показало телевидение. Знаю, что все мои знакомые в этот вечер отвергли другие каналы и смотрели только вечер Лисициана.

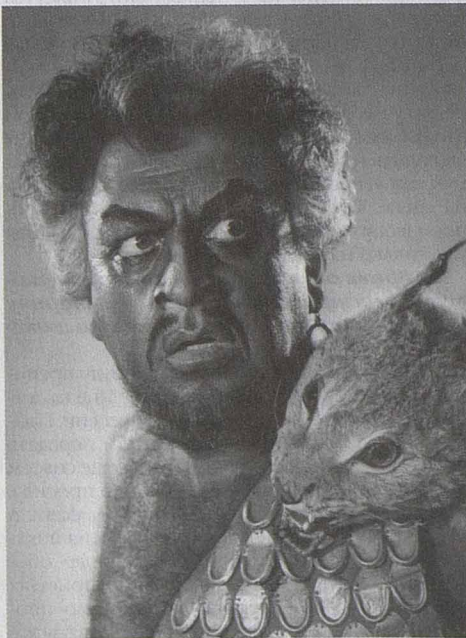
Когда сегодня по всем станциям Радио среди грохота звуков из преисподней, среди воющих без слуха и голоса, вдруг раздается голос Лисициана — это как в пересохшей пустыне вдруг выйти на источник не просто чистой, а Святой воды. И раз Лисициан еще звучит по радио, значит, нужно жить, значит, можно на что-то надеяться в этой непростой жизни.

Дорогой, очень дорогой для нас Павел Герасимович! Бог баритонов, заставляющий несколько десятилетий всю страну бросать все дела и застывать у радиоприемников, когда звучит ваш голос, — крепкого Вам здоровья, любви от Ваших родных и близких. Но знайте, что среди этих родных и близких, все, кто когда-то работал и работает сегодня в Большом театре.

ОЛЕГ ЧЕРНИКОВ
Фото из музея ГАБТ

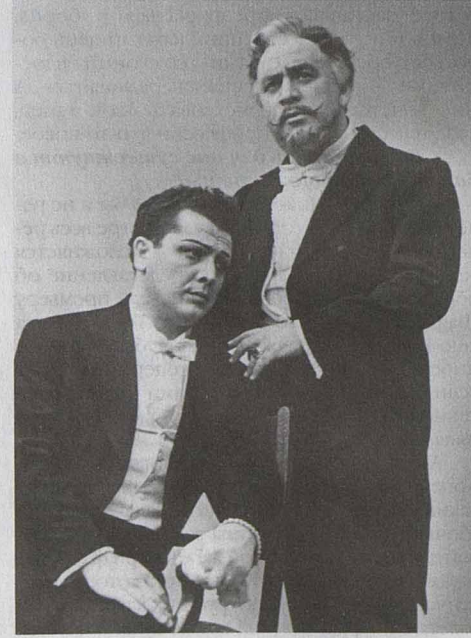
Онегин.
«Евгений Онегин»

Амонасро.
«Аида»

Форд.
«Фальстаф»

Зураб Аджапаридзе — Альфред
и Павел Лисициан — Жермон. «Травиата»

Лисициан Павел Герасимович (1918-1997)